

природы и царством человека и недооценивает роль биологических, естественных механизмов воспроизводства населения на ранних этапах демографической эволюции.

Дальнейшее расширение круга источников и фактов, — а оно необходимо, — вообще говоря, может привести к некоторой модификации всей схемы, к усовершенствованию типологии воспроизводства населения. В ней, вероятно, появятся дополнительные или промежуточные типы, подтипы, подгруппы и т. п. Тогда исчезнет однотонность слишком обобщенного описания — сейчас, к примеру, в прокрустово ложе единого традиционного типа попадают и античные цивилизации Греции и Рима, и средневековая Европа, и Россия XIX в. — тогда демографическая история засияет яркими красками полнокровной жизни.

В заключение еще раз подчеркнем, что исследование А. Г. Вишневого является новаторским, оно вносит большой вклад в развитие исторической демографии — науки, которая в СССР только-только начинает развиваться. Его концепция исторических типов воспроизводства населения обобщает накопленные исследователями данные и одновременно служит толчком для дальнейших исследований в этой области. Некоторые пока слишком абстрактные построения А. Г. Вишневого, совершенно естественные для первой попытки создания схемы демографической эволюции человеческого общества, не зачеркивают ни его концепции в целом, ни ее основополагающих принципов. Со временем, по мере привлечения большего количества данных, будут совершенствоваться критерии выделения исторических типов воспроизводства населения, уточняться их число и специфика и соответственно число и специфика демографических революций, что существует всей концепции, однако, подрывать не будет.

Книга А. Г. Вишневого — яркий пример актуальности исторического анализа — лучше всяких логических выводов доказывает крайнюю важность исторических, и в частности этнографических, исследований для современности. Книга убеждает в том, что ответить на самые жгучие вопросы сегодняшнего дня (а демографическая проблема сегодня именно такая жгучая проблема) нельзя, если не обратиться к истории и не создать теорию демографических отношений на основе исследования истории развития этих отношений. Как известно, значение демографической теории в значительной мере определяется ее способностью объяснить существующие демографические проблемы и прогнозировать течение демографических процессов. Истолкование в книге реальных демографических явлений сегодняшнего дня как в нашей стране, так и за рубежом обнадеживает относительно прикладного значения концепции исторических типов воспроизводства населения. Можно надеяться, что активное использование данной концепции для демографического прогноза и определения основных направлений демографической политики даст хорошие результаты, ибо нет ничего практичнее хорошей теории.

Б. Н. Миронов

Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII/Отв. ред. Т. В. Станюкович. Л.: Наука, 1982, 206 с.

В очередной сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) вошли 13 статей и справочный каталог коллекций отдела Европы МАЭ, подготовленные, в основном, силами восточнославянского сектора Ленинградского отделения ИЭ АН СССР. Наличие в сборнике каталога вещественных памятников по этнографии народов Восточной и Западной Европы обусловило тематическую и региональную направленность большинства статей. В центре их внимания — проблемы научной классификации и типологизации вещественных памятников, методологические и теоретические вопросы, связанные с изучением различных элементов и форм культуры, преимущественно восточноевропейских народов, а также слабоизученные вопросы источниковедения. К группе статей источниковедческого характера примыкает не публиковавшаяся ранее статья крупнейшего отечественного этнографа Д. К. Зеленина «Терминология лапотного дела».

Несомненного внимания заслуживает теоретическая разработка А. К. Байбурина «Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (К проблеме этнографического факта», где автор, на наш взгляд, совершенно справедливо оценивает традиционное членение культуры на материальную и духовную сферы как непродуктивное при изучении традиционно-бытовой сферы человеческой жизнедеятельности как целостного, единого организма; как затрудняющее развитие понятийного уровня этнографического знания. Именно отсутствие единой методики описания конкретных объективированных форм этнической культуры, а также унифицированного описания и интерпретации этнографического факта привели к несопоставимости результатов разысканий в различных областях культуры. Определение сущности понятия «этнографический факт», по мнению автора, является основной проблемой во всех сферах этнокультуры. Этнографический факт рассматривается автором с точки зрения его двуединой семиотической природы: «...любая вещь, используемая человеком, обладает двуединой природой в том смысле, что она может быть использована и как собственно вещь, и как знак» (с. 13). Смысл вещей меняется в зависимости от характера связей, возникающих при их использовании. Из всех типов связей, названных автором, выделим последний — «связи и отношения между самими объективированными формами культуры». Автор своевременно делает акцент на тех нестандартных типах связей в предметной области

этнографии, которые игнорируются исследователями, например, между жилищем и одеждой, одеждой и утварью, орудиями труда и утварью и т. п.

Новаторский характер имеет и статья Т. А. Бернштам «"Обряд" расставания с красотой (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточно-славянском свадебном обряде)», которая написана с тех же методических позиций, что и ее последние работы¹. К изучению обряда автор подходит с точки зрения единства всех его компонентов — слова, действия, поведения и предмета. По существу метод Т. А. Бернштам — пример реализации некоторых проблем, которые отчасти были сформулированы в вышеуказанной статье А. К. Байбурина. Комплексное исследование позволило автору не только «расшифровать» обрядовое место, роль, соотношение и символику материальных компонентов, но и вскрыть архаический смысл данного восточно-славянского обряда, выделить его этническую специфику. Обряд «расставания с красотой», мыслится как символический переходный акт — смерть девичьего «Я», который показывается автором на фоне известных исторических свидетельств и обрядово-культурных норм славянства.

В статье Л. С. Гвоздиковой «Мелкие изделия из теста в русском свадебном обряде конца XIX — начала XX в. (Виды, термины, функции)» предпринята попытка выделить виды печеня, употреблявшегося в свадебной обрядности русских на территории европейской части России и определить их роль в ходе добрых собраний молодежи и собственно свадебного обряда. Однако из-за недостаточного хорошего состояния источников автору не удалось установить четкие связи между термином и формой изделий, термином и способом их приготовления, термином и характером использования.

В качестве функций печеня названа только одна — дар (обмен дарами). Отметив, по сути однозначное применение печеня в календарных, добрых молодежных и собственно свадебных обрядах, автор оперирует при описании конкретных случаев различными определениями: элемент половой магии «носитель определенных магических сил, так называемая, имитативная магия», элемент «магии привораживания, закрепления, соединения». Подобная терминологическая нечеткость, смешение понятий «вид» и «тип» в применении к магии затруднило выделение строгих и ясных функций мелкого печеня. Анализ мелких изделий из теста с позиции единства его формы, названия и функции в связи с этим следует признать незавершенным. Вместе с тем укажем, что на основании собранного материала автору удалось проследить изменение семиотического статуса печеня и выделить различные формы обмена (дара).

Особого внимания заслуживают две работы Н. В. Ушакова: «К вопросу классификации одежды восточных славян» и «Сравнительный указатель типов одежды народов Восточной Европы (проект)», в которых типология компонентов одежды и ее комплексов разработана в соответствии с новейшими достижениями в области формальной и теоретической типологии явлений культуры. В первой статье автор рассматривает довольно широкий круг вопросов (этапы формирования и совершенствования принципов систематизации, классификации и типологии одежды восточных славян) и выделяет четыре группы признаков классификации одежды; определяет принципы выделения типов компонентов одежды. Основываясь на имеющемся опыте классификации и типологии одежды, автор справедливо предлагает различать классы одежды, ее комплексы и типы компонентов одежды.

Следует отдать должное масштабности работы, осуществленной Н. В. Ушаковым в разработке понятий «класс», «тип», «комплекс», а также в удачном сведении разрозненных существующих классификаций, в унификации терминов и разграничении трех порядков комплексов одежды. Вместе с тем оговорим, что понятия «систематизация» и «классификация», используемые автором, являются общепринятыми в контексте таких явлений культуры, как одежда и украшения, в то время, как в философии, культурологии, археологии именно классификация, а не систематизация рассматривается как способ первичного упорядочения материала. В дальнейшем, по-видимому, потребуются также четкое определение каждой из четырех групп признаков взамен приведенных автором описательных дефиниций.

Цель сравнительного указателя типов одежды — создание информативного источниковедческого свода, упрощающего и упорядочивающего исходный материал для последующего сравнительно-исторического исследования.

Н. В. Ушаков учел все доступные ему источники по типологии одежды, а также опыт цифровой индексации, примененный в «Типологии афро-азиатского костюма (преимущественно исламские страны)»². Система нумерации типов одежды включает обозначенные римскими цифрами компоненты одежды, буквами латинского алфавита — сопоставимые признаки и детали данного компонента, арабскими цифрами — типы данного компонента. Предложенная система выглядит убедительной, доступной, открытой для введения новых типов, любого количества компонентов. Структура указателя раскрыта и описана на примере раздела «Рубахи», где автор предлагает сокращенные буквенные обозначения для иллюстрированной информации.

Единая типология вещественных памятников этнической культуры, к сожалению, пока отсутствует. Поэтому первый опыт подобной типологии, осуществленный автором статьи, имеет не только эвристическую значимость, но и вносит конструктивный вклад

¹ Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян. — Сов. этнография, 1982, № 1; *ее же*. О «двойной природе» причети (к проблеме генезиса севернорусских причитаний). — В кн.: Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Тез. докл. Петрозаводск, 1979.

² Typology for Afro-Asian costume (primarily from Islamic countries). Draft submitted to the members of the international Committee of costume at the ICOM General Assembly. L.— M., May, 1977.

в создание целостной концепции типологии одежды, упрощает и идентифицирует терминологию. Указатель должен способствовать атрибуции слабоаннотированных музейных памятников. Хочется надеяться, что опыт Н. В. Ушакова не пройдет незамеченным и будет оценен не только специалистами по одежде, но и всеми исследователями материальной культуры.

А. Ю. Заднепровская в статье «Марийские украшения XIX — начала XX в. как этнографический источник» анализирует украшения, выделения понятия «возрастные комплекты украшений» и «территориальные комплексы украшений». Подобный метод систематизации был предложен по отношению к аналогичной группе памятников исследовательницей таджикских украшений Л. В. Чвырь.

Автор выделила шесть комплектов отдельных возрастных групп и определила их роль как этнического и социального показателей. Ярко выраженная магическая функция украшений позволяет, как это указывает автор, рассматривать их в качестве дополнительного источника при изучении дохристианских верований и их «переживаний» в жертвенных, свадебных и поминально-погребальных обрядах марийцев. Выделению комплексов украшений предшествовала самостоятельная исследовательская работа А. Ю. Заднепровской по выявлению типов и подтипов украшений, количество которых определено в статье цифрой 51. К сожалению, содержание понятия тип и подтип не раскрыто, и об этой части работы можно составить некоторое представление только по таблице 1, где приводится авторская классификация материала. На основе анализа четырех территориальных комплексов украшений автор устанавливает наибольшую близость между горными и луговыми, а также между луговыми и северо-западными марийцами.

Основные положения статьи убедительно демонстрируют широкие возможности использования результатов типологического анализа материала для решения задач самого общего характера.

Особый интерес представляют две статьи, посвященные народным музыкальным инструментам в собрании МАЭ. Уже сам факт включения этих статей в сборник свидетельствует об определенных изменениях взглядов этнографов на проблемы исследования традиционной материальной культуры. Дело в том, что современное этноинструментоведение, рассматривающее народные инструменты с позиций системно-этнофонического метода³, не мыслит изучения инструментов в качестве только предметов материальной культуры вне контекста духовной культуры, в которой они функционируют.

Описание музейной коллекции восточно-славянских инструментов, выполненное А. Е. Финченко, свидетельствует о возрастании интереса этнографов к этноинструментоведению. В результате этого достоянием научной общественности становится факт существования коллекции инструментов, интересной во многих отношениях. Изучение музейного собрания специалистами дает возможность сделать ряд частных наблюдений. Так, например, автор статьи приводит описание долбленых балаалаек из Вятской губернии, своеобразная форма которых заставляет иначе взглянуть на проблему происхождения такого инструмента, как домбра.

Инструментальная коллекция МАЭ не систематическое собрание и лишь опосредованно отражает постепенно возникавшее осознание общественностью ценности народного музыкального инструментария. Сама по себе эта коллекция не может дать представления о системе русской или восточно-славянской народной инструментальной культуры. Для этого необходимо включить ее материалы в широкий общий или, наоборот, локальный контекст. Но такое включение едва ли было возможно в сделанном автором описании — скорее музейном, чем этноинструментоведческом. Так, например, весьма странным представляется утверждение, что диатонический звукоряд закарпатской флюидры является будто бы единственно возможным, в то время как известно, что карпатские музыканты, используя вилочную аппликатуру, играют наигрыши практически во всех известных звукорядах (ангемитонных, целотонных, полутонаторных и т. д.) с хроматизмами и микроальтерацией.

Примером «расшифровки» одного из экспонатов коллекции является статья Б. И. Рабиновича «Пастуший барабан — малоизвестный русский инструмент» (которую, на наш взгляд, в сборнике нужно было бы поместить после статьи А. Финченко). На основе анализа одного из своеобразных экспонатов МАЭ — пастушьего барабана (барабанки) автор рассматривает широкий круг проблем, связанных с этнической историей и культурными контактами восточно-славянских и финно-угорских народов. К сожалению, автор не дает полного описания музейного инструмента и не приводит конкретных сведений о его фиксации и изучении. Об обширности материала, которым Б. И. Рабинович располагает, можно лишь догадываться. Между тем материал статьи был бы весомее, если бы автор сослался на свою, гораздо более точно выполненную статью об этом инструменте, опубликованную в сборнике «Теоретические проблемы народной инструментальной музыки» (М., 1974).

Ряд статей сборника посвящен истории комплектования фондов МАЭ по культуре славян и содержит описание малоизвестных коллекций и отдельных памятников.

Статья Р. В. Каменецкой «Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин» привлекает внимание исследователей к коллекции уникальных этнографических предметов и ее собирателю — профессиональному этнографу Д. Д. Травину. Автор описывает наиболее интересные экспонаты: лук, колчан-туле, утварь, шахматные фигурки и др. Привлекаемые Р. В. Ка-

³ См. об этом: И. В. Мацневский. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования. — В кн.: Актуальные проблемы современной фольклористики. Л.: Музиздат, 1980.

монецкой материалы отчетов Д. Д. Травина, а также и некоторые сведения, известные из местной периодики 20—30-х годов XX в. дают возможность оценить деятельность собирателя и получить данные о времени, способах бытования тех или иных вещей, их терминологии.

В статьях И. В. Жуковской «Одежда из коллекции С. М. Дудина по южным украинцам» и Л. М. Сабуровой «Польские коллекции МАЭ» даны подробные попредметные описания ценных этнографических памятников, объединенных в тематические группы. В статьях приводятся местная терминология, рисунки и фотографии предметов. Своего рода прологом к сборнику является статья Т. В. Станюкович «Памятники материальной культуры народов европейской части СССР и зарубежной Европы», в которой автор на основании архивного материала восстанавливает и анализирует основные этапы формирования фонда этнографических коллекций в европейском отделе музея с XVIII в. по настоящее время. История складывания фондов старейшего музея страны, как считает автор, отражает историю отечественной этнографии, в которой на протяжении всего дореволюционного периода основным объектом научного изучения оставались «экзотические» народы мира, в то время как систематический сбор полевых и коллекционных материалов по культуре народов Восточной и Западной Европы долгое время недооценивался. Лишь к концу XIX в. европейский отдел МАЭ начинает интенсивно пополняться благодаря организационной и полевой работе крупнейших этнографов и собирателей, таких как В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, Н. Н. Могиланский, А. В. Журавский, Т. Швиндт, Д. Д. Травин, С. М. Дудкин, М. К. Каблукова-Горбунова, М. В. Михайловская.

В статье содержится оценка деятельности МАЭ в последние десятилетия, когда фонды отдела Европы неоднократно использовались в качестве серьезного и значительного источника при создании историко-этнографического атласа «Русские», при разработке понятия «этнические границы» и пр.

На сегодняшний день в фондах отдела Европы насчитывается 12 775 предметов. Самые многочисленные коллекции по этнографии русских (5359 предметов), украинцев (718), карел (929), поляков (2094), австрийцев (500), итальянцев (497), финнов (494 предметов).

Наряду с научно-исследовательскими статьями в сборнике впервые публикуется научно-справочный каталог памятников культуры, хранящихся в фонде отдела Европы МАЭ. В связи с актуальностью вопросов каталогизации этнографических фондов музеев страны, анализу справочных изданий разного характера, изданных в последнее время, посвящен специальный обзор в этом номере ⁴.

Е. Е. Васильева, О. М. Фишман

⁴ Фишман О. М. Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы). — Сов. этнография, 1984, № 1.

НАРОДЫ СССР

В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982. 196 с., илл., картосхемы.

В книге В. П. Кобычева обобщены обширные данные по типам поселений, жилищ и их отдельным конструктивным элементам. Эти данные автор собирал почти два десятилетия (1960—1978 гг.) по всей территории Северного Кавказа (кроме Дагестана). Работа является одним из подготовительных этапов создания Историко-этнографического атласа Кавказа. Поэтому материалы по каждому из объектов исследования сведены в этнографических картах по трем временным срезам — середина XIX в., рубеж XIX—XX в. и современность, т. е. время проведения исследования. Благодаря этому книга в предельно сжатой форме вобрала в себя огромный объем информации. Серии карт и тесно связанный с ними аналитический текст охватывают следующие аспекты изучаемой темы: поселения, их типы, форма и планировка, формы усадьбы и двора, оград и ворот, типы жилища, виды фундаментов, стен, крыши, пола, потолка, планировка жилища, отопление, интерьер и обстановка, пристройки, украшения, хозяйственные постройки и другие нежилые элементы поселений (укрепления, святилища, погребальные сооружения). Помимо карт книга содержит большое количество фотографий, рисунков и схем, мастерски выполненных как самим автором, так и художником Г. Д. Коняхиной и фотографиями Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым. Макет книги был подготовлен В. И. Филипповым. В конце дан словарь 40 основных терминов поселений и жилища у следующих северокавказских народов: адыгейцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, осетин и ногайцев. Все это делает книгу уникальным источником сведений по поселениям и жилищам Северного Кавказа.

В разделе о поселениях автор рассматривает, какие соотношения складывались на Кавказе в разные исторические эпохи между моногенными и полигенными, мелкими и крупными, стабильными и легко перемещавшимися поселениями. Он показывает,